

УДК 81'373

Н.В. Горохова

Антрополингвистика как направление развития XXI в.

В статье рассматриваются терминологические аспекты формирующейся области знания — антрополингвистики. Делается попытка представления структуры, проблем, перспектив развития новой науки и содержания ее основных разделов. Доказывается правомерность изучения мышления человека в его историческом развитии в зависимости от количества и качества лексики, существующей синхронно изучаемому периоду. На основе анализа изменений лексической системы дается обоснование особенностей и закономерностей развития теории языка.

Ключевые слова: антрополингвистика; терминология; протослово; языковая картина мира.

Новое направление лингвистической науки — антрополингвистика — появляется на базе исторического терминоведения, сформировавшегося в конце XX в., и определяет своими основными задачами анализ и реконструкцию по данным языка не только истории эволюции сознания и мышления человека, развития его культуры, но и макроэволюции человеческой цивилизации в целом. Многочисленные исследования по истории образования и формирования новых терминологий в разнообразных языках показали, что «практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка. На основе анализа изменений лексической системы определенной области знания появляется возможность получать довольно точное представление об особенностях и закономерностях развития теоретической мысли. Это также дает возможность реконструировать исторические состояния и тенденции развития культуры» [2: с. 15]. Кроме того, научным исследованием развития терминологий самых древнейших сфер знания было установлено, что трансформация их лексики носит поэтапный характер. Элементарный (начальный) период становления терминологий основывался на *общеупотребительной лексике*. В дальнейшем терминологии прогрессировали главным образом на базе *специальной лексики*, распространенной только среди лиц определенной профессии. Финальный этап отличается доминированием *научных терминов*. Такому членению отвечает традиционная в исторической науке стратификация с разделением научных периодов на донаучный, протонаучный (ранний, примитивно-научный) и научный этапы [16].

Благодаря формированию нового направления в терминоведении, когнитивной лингвистики, явившейся другой составляющей для возникновения

антропологистики, появилась задача изучения роли терминологии в познании. Последнее можно считать высшей формой отображения объективной действительности, выражающей процедуру формирования знаний, передаваемых от поколения к поколению. Такой процесс начинается с появления человека и сопровождает его в течение всей жизни как биологический вид, представляя собой определяющий признак человеческого существа. Исходя из этого, в наибольшей степени продуктивным методом когнитивных исследований представляется анализ терминологии в диахронической ретроспективе, которая, в свою очередь, отображается в форме семантических полей. Ввиду того что *познание* и *мышление*, базирующиеся на употреблении языка, представляются специфическими характеристиками человека как биологического вида, настоящее направление исследований в области лексикологии делает возможным изучение особенностей развития человека в последний период его эволюции [4]. Анализ работ ведущих ученых [2–4; 7; 11; 12] и др. позволил определить следующие положения антропологистики:

1. Исторические изменения характера познания находят свое отражение в численном приросте и качественных преобразованиях употребляемого лексического массива.

2. Изменения словарного массива по качеству в ходе становления и изменения сознания от слов общеупотребительных к прототерминам (профессиональной лексике) и впоследствии к терминам отражают градацию психических процессов познания человека и характеризуются переходом от общих представлений к специальным, а затем и к понятиям. Промежуточной стадией между донаучным и научным этапами развития мышления является переходная ступень (протонаучный период), которая использует еще не научные понятия, но уже и не генерализованные, а специальные репрезентации, которые называются *прототерминами*.

3. В ходе формирования познания происходит изменение исторических типов мышления. Наиболее древний, донаучный тип мышления оперирует бытовой лексикой (бытовыми представлениями) и основан на здравом смысле; промежуточный, *ремесленный тип мышления* также базируется на рациональном смысле, но опирается на специальные представления; современный *научный тип мышления* организован на принципах методики исследований и использует научные теории и системы понятий. Такие данные доказывают поэтапное становление сознания человека и его эволюционное развитие.

4. Изменение, усложнение и совершенствование словарного состава в ходе эволюции человека характеризуется не только качественными изменениями, но и перманентным ростом объема его лексикона. В ходе исследования изменений первичных терминологических систем установлены неясность, нерасчетленность и синкретизм значений самых древних слов, являющихся базовыми при формировании терминологии.

5. Совершенствование познавательной составляющей, а вместе с ней и осознания реальной предметной культуры человечества определяется

типизацией сначала общих значений лексических единиц путем численного увеличения слов. В некотором роде формирование и развитие цивилизации происходит путем удаления синкретизма представлений и семантики соответствующей лексики.

6. Признается допустимым единообразие способа мышления человека в разные периоды истории с мышлением ребенка современности. Базовые особенности элементарного периода мышления (наивного), как они воспроизводятся в древнейших пластах лексики и у детей, оказываются одинаковыми: максимальная широта и неразборчивость значений первоначальных слов, недоступность и недостижимость жестких классификаций науки. В некотором смысле психологический рост ребенка ограничивается развитием лексического словаря, при котором расширение вокабуляра (знакомство с новыми словами) происходит параллельно с перманентной детализацией и конкретизированием значений ранее известных слов и их тематической перегруппировкой.

Идентичные процедуры отмечаются в процессе развития лексического словаря человека в определенные исторические периоды времени, интеллектуальное совершенствование всякого индивидуума воспроизводит существенные качества и свойства формирования мышления общества в целом, что дает возможность понимания особенностей действий и поступков человека в разнообразные временные этапы и эпохи (преимущественно начальные) и установления стадии его умственного развития [7].

Принцип соответствия онтогенеза и филогенеза, т. е. воспроизведения в развитии сознания отдельно взятого человека существенных особенностей эволюции человечества в целом, дает основание для применения общеизвестной в психологии практики количественного определения уровня развития сознания детей, основываясь на словарном запасе их вокабуляра, и применить этот принцип для распознавания и определения степени развития сознания человека в другие, более древние исторические периоды. Существующие данные по увеличению численного массива лексики отдельных языков дают возможность определить ресурс лексики в конкретные исторические промежутки времени и сравнить его с имеющимися в психологии возрастного развития параметрами о лексическом словарном запасе обычного человека в конкретные промежутки его взросления. Соответствие лексических характеристик терминологических систем по отношению к развитию общества, подтверждающее аналогию в мотивах поведения, сходство ментального развития (сосуществования в поздние периоды эволюции людей с различным уровнем умственного развития), являет собой серьезную проблему социологии, психологии и лингвистики.

С достаточной степенью уверенности можно вести речь о приблизительном количестве лексических единиц отдельных языков *донаучного периода*, базируясь на материалах из исторических словарей. Так, в соответствии с мнением академика Ф.П. Филина, древнеанглийский язык, бытующий

в VI–IX вв. н. э., включал в себя целую вереницу независимых диалектов, общий лексический фонд которых не превышал 22 % [14: с. 18–22]. Следует также добавить, что древнеанглийский язык, представленный в словарях, изобиловал многочисленными вариантами отдельных статей, что ограничивает число лексических единиц того времени до 5–6 тыс.

Для *протонаучного периода*, охватывающего первую половину XVIII в., следующие данные являются показательными: в 1721 г. словарь, изданный Натаниэлем Бейли (Nathaniel Bailey) под названием «Универсальный этимологический словарь» (An Universal Etymological Dictionary), включал приблизительно 40 тыс. слов с короткими и лаконичными трактованиями. Принято полагать, что этот словарь, как и некоторые другие словники того времени, определил собой фундамент для одного из достижений англоязычной лексикографии нормативного периода — «Словаря английского языка» (A Dictionary of the English Language) Сэмюэля Джонсона (Samuel Johnson), изданного в 1755 г. Глоссарий был объемом около 2,5 тыс. страниц и включал приблизительно 40 тыс. статей [8, с. 15–16].

Объем словарного состава исторического человека конца *проточеловеческого периода* — более сложная задача с точки зрения численного определения. Поначалу полагали, что величина активного словаря кроманьонца к концу проточеловеческого периода (около 100 тыс. лет назад) насчитывала 150–200 лексических единиц, объем же пассивного словаря составлял 400–500 слов [2: с. 14], однако многие ученые, работающие в сфере антропологии, подозревают, что первые люди имели достаточно обширный словарный запас и их вокабуляр мог включать не менее 10 тыс. слов: «Еще сравнительно недавно считалось, что языки наименее развитых групп человечества обладают очень незначительным, едва ли в несколько сотен слов, лексическим запасом и совсем лишены общих понятий. Однако последующее изучение показало, что лексикон даже наиболее отставших в своем развитии племен, например, аборигенов Австралии, насчитывает не менее 10 тысяч слов, т. е. больше, чем содержится в карманном словаре любого европейского языка. Выяснилось также, что хотя эти языки действительно тяготеют к конкретным, детализированным единичным определениям, в них имеются и обобщающие понятия. Однако таких видовых обозначений мало, они употребляются нечасто и, что особенно показательно, не идут дальше классификации среднего уровня. Есть обозначения для дерева, кустарника, травы, но нет обозначения для растения; есть обозначения для рыбы или змеи, но нет обозначения для животного» [10: с. 107].

Еще одним предлогом для неуверенности в существовании объема словаря кроманьонца становятся сведения о размерах словаря определенных групп общества XX в. Ж. Вандриес доказывал, что неграмотному крестьянину, проживающему во Франции начала XX в., для общения хватало лишь 300 слов, а исследования, проведенные в 1950-е гг. И.Н. Гореловым, выявили, что обиходный словарь неграмотного русского человека также насчитывал не более

500 слов. На основании этого можно предположить, что объем словаря исторического человека, жившего 100 тыс. лет назад, представлял собой несколько дюжин лексем, т. е. не более 40–50 слов.

Наряду с этим использование принципа соответствия онтогенеза и филогенеза позволяет представить характер лексического массива кроманьонца, в который входили односложные *протослова*. Такая аналогия находит свое подтверждение и в самом термине «протослово», которое используется независимо различными специалистами: экспертами по речи детей, знатоками древних языков, исследователями ранних форм лексики.

Широкое значение протослов отмечается многими исследователями, оно отчасти сохранилось в донаучную эпоху и дошло до Средних веков: «<...> подчеркнем исключительную полисемантическую функцию языка средневекового человека. Все важнейшие термины его культуры многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл. Наглядным свидетельством такой многозначности языка средневековой культуры могут служить популярные в ту эпоху “этимологии”. Умение дать “многосмысленное толкование” одного и того же текста — неотъемлемое качество интеллектуала средних веков» [9: с. 74]. Очевидно, что для понимания языка определенной области человеческой деятельности в феодальном социуме необходимо знание языка его культуры, где этот специальный язык выступает второстепенным и не встроеным в закрытую самостоятельную систему. Все отраслевые и профессиональные языки перманентно сообщаются, переходя один в другой, оставаясь значимыми лишь потому, что обладают смыслом не столько в пределах определенного специальной сферы деятельности, но за границами этой области. Практически говоря, существует только один язык, единственная универсальная система знаков, особым образом читаемая и декодируемая в зависимости от той сферы человеческой деятельности, к которой она применяется [11].

Сравнение словарей проточеловеческого и донаучного периодов показало, что их объем увеличился приблизительно на два порядка (примерно в сто раз) — около 40–50 протослов в конце проточеловеческого периода — и 4–5 тыс. лексических единиц в конце донаучного периода. Предположение об объеме словаря в 400–500 тыс. слов, относящееся к протонаучному периоду, является вполне обоснованным.

При этом объем академических словарей XVIII в. был в десять раз меньше. Исследования О.Н. Трубачева и некоторых других ученых показали, что «ремесленные термины» (прототермины) появились еще в донаучный период [13]. Таким образом, уже в конце донаучного периода словарь был неоднородным и состоял из двух слоев — общеупотребительной лексики и ранних прототерминов (наименований специальных представлений).

Намного позднее (протонаучный временной этап) объем специального словаря сильно превосходил объем общеупотребительной лексики и к концу периода достигал нескольких сот тысяч слов. В.Д. Бондалетов представляет

следующие показатели: «Насчитываются дюжины тысяч профессий, и у каждой своя лексическая система, точнее свой “язык”. На количество профессионализмов влияют различные условия и факторы: от степени развития самого производства до специализации соответствующего вида деятельности. Например, в отделочном цехе текстильного хозяйства насчитывалось более 10 видов машин (*отбивная, красильная, стригальная* и др.); немецкое плотническое производство отмечает 5 типов молотков, 22 модели рубанка, 10 категорий пил, 6 видов топоров; русские коневоды различают более чем 40 мастей лошади (соловая, вороная и др.), приблизительно 20 аллюров (*иноходь, хлынь, рысца* и др.)» [1: с. 70–71]. Большая доля такой специализированной лексики попадала в академические словари. По данным исследователей, в «Словаре Академии Российской» [6: с. 18] объемом 43 тыс. слов, специальная лексика насчитывала около 1150 слов и ремесленные термины — около 1900 слов [6: с. 90]. Таким образом, можно предположить, что словарный объем развитых языков увеличился не менее чем на два порядка в конце протонаучного периода.

В середине XX в., в *научный* период, объем специализированного лексического массива, включая научную терминологию, прототермины и номенклатурные наименования, насчитывал в среднем 40–50 млн лексем, что на два порядка больше, чем в предыдущий период. Такое соотношение объемов словаря на разных этапах развития человеческого сознания получило символическое название «тенденция двух порядков» [2].

Сравнение параметров установленных периодов развития сознания человека позволило ученым построить еще одну гипотезу — тенденция к уменьшению и сокращению продолжительности дальнейших стадий развития человеческого сознания, в соответствии с которой научный период должен измеряться сотнями лет (10 млн лет – 100 тыс. лет – 1,5 тыс. лет). На основании этого можно предположить, что человечество постепенно вступает сейчас в новую стадию (*постнаучную*). Это предположение находит свое подтверждение еще и в данных об объеме современного словаря, а если при этом принять во внимание увеличение объемов лексики на два порядка, то количество специальной лексики в настоящий период составляет сотни миллионов наименований: в соответствии с проведенным анализом словарных статей, в биологической науке число изученных видов превосходит 100 млн. Международный центр информации и терминологии (Инфотерм) в 2013 г. предоставил данные о количестве изделий, производимых в мире в настоящее время, и отметил, что примерная цифра изготавливаемой продукции достигает 200 млн наименований; а если к этому числу прибавить терминологии других научных или практических областей и прототерминологии, то, вероятно, современный объем лексического массива может превысить 300 млн наименований в наиболее развитых языках [2]. Для конечной (новейшей) стадии свойственен новый вид специальных лексем — номенов (названия единичных понятий), количество которых в тысячи раз превышает число терминов.

Как утверждают ученые, самым сложным процессом, по сравнению с установлением словаря языка, является определение словарного объема средне-статистического современного человека. В более ранние этапы этот объем почти полностью был идентичен объему языка, и одной из немногочисленных проблем являлось определение объема необходимых слов для нормальной жизнедеятельности, из которых такой словарь должен был состоять. Основного различия между словарным запасом более и менее развитых членов общины, по-видимому, не существовало, или оно было малосущественным; не обозначалось и явных различий между активным и пассивным словарями, предположительно, из-за отсутствия последнего. В донаучный период неимение такой разницы было продиктовано медленным ростом объема словаря. В более позднее время рост словаря самых развитых индивидов ощутимо ускорился, и к образованию начальных цивилизаций объем вокабуляра мог равняться одной тысяче лексических единиц. С появлением письменности наверняка возникла и разница между активным и пассивным словарями человека, а также между образованным и необразованным человеком, и это отличие продолжало увеличиваться с течением времени [2; 4; 11].

С появлением и развитием ремесел в последующие периоды, а затем и наук начало наблюдаться расслоение общества, которое привело к взаимному сосуществованию людей с разными типами мышления и различными уровнями умственного развития. Трудность в определении уровня умственного развития человека в разные исторические этапы нарастала по мере формирования ремесленного, а после и научного мышления, которые потребовали диагностирования разных типов мышления, а также пассивного и активного словарей людей сначала двух, а далее трех различных уровней развития и мышления.

Кроме формирования различных уровней развития человека, активного и пассивного словарей, а также специальных терминологий, важным понятием в рассматриваемом контексте является *тип лексем* [2]. В настоящее время становится все более очевидным, что каждому периоду эволюции человеческого мышления соответствует конкретный тип лексических единиц: проточеловеческому — протослова, донаучному — общеупотребительные слова, протонаучному — прототермины, научному — термины, постнаучному — номены [2]. Исследователи отмечают, что каждый из перечисленных этапов характеризуется появлением лексем, типичных для последующего периода: в проточеловеческий этап — первые слова, в донаучный период — прототермины (так называемые *ремесленные термины* [13]), в протонаучный этап — первейшие термины и терминологии, а в постнаучный период — первоначальные номенальные системы. Сравнительно недавно к особенностям базовых этапов эволюции мышления и сознания добавился еще один параметр — *отношение к используемому языку*, главным образом к словарю [12: с. 38].

На основании проведенного анализа литературы можно предположить, что в более ранние примитивные периоды существования человека язык

не являлся предметом для рефлексии. Слова наделялись чудодейственной магической силой и требовали осмотрительного к ним отношения в донаучный этап развития. В протонаучный период сознательное изменение слов, как считалось, божественного происхождения даже не мыслилось. Появилась лишь возможность предлагать названия для новых вещей вслед за античными философами, а в Новое время — переводы на национальные языки латинских терминов. Первые прототермины формально ничем не отличались от обыденной лексики. Данный этап характеризовался сбором и регистрацией слов в словарях. Только в научный период с формированием теории терминоведения возникают и разрабатываются методы упорядочения специализированной лексики, сводившиеся по большей части к устранению очевидных недостатков терминов. В постнаучный период возможности контролировать лексический массив и сознательное регулирование изменения различных терминологий становятся основными направлениями в корпусной политике и языковом планировании.

Наравне с вышеперечисленными параметрами можно отметить *корреляцию с историческими типами культуры*. Исследователями обнаружено соответствие между основными периодами эволюции и типами культур [2]:

- проточеловеческий этап характеризуется связью культуры собирательства и охоты;
- донаучный период квалифицируется ранней сельской культурой и переходом на оседлый образ жизни с более стабильным существованием;
- протонаучная стадия отличается становлением цивилизации (урбанистической культуры);
- научная ступень развития является носителем индустриальной культуры;
- постнаучный период отмечается развитием информационной культуры.

Важный параметр характеристики этапов эволюции познания — *предтечи антрополингвистики*. Возможность исследования культуры, мышления и в целом эволюции человека, основываясь на базе истории лексического развития языка, была найдена достаточно давно. Шарль дю Френ дю Канж (Charles du Fresne du Cange) в XVII в., автор опубликованного в 1678 г. «Словаря средневековой латыни» (*Glossarium ad scriptores mediae et in mae*) установил, что латынь Средневековья разнилась с языком древних римлян. Именно он пришел к заключению, что анализ слов, возникших в Средние века, предоставил шанс узнать быт, нравы и традиции повседневной социальной жизни того периода [15].

Австрийский языковед Гуго Шухард (начало XX в.) является основоположником лингвистического исследовательского направления, получившего название «слова и вещи». Сущность этого подхода заключалась в комплексном изучении слова и обозначаемой им вещи в их развитии [9: с. 155–156]. Ученым было заявлено, что история культуры единовременно является историей слов и их нельзя понять отдельно друг от друга.

В 60-х гг. XX в. изучение развития мышления при возможности использования сведений об исторических преобразованиях лексики заинтересовала

ученых-историков. В своем программном сочинении по истории, в статье «История ментальностей» Жорж Дюби отмечает: «История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные — например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача истории ментальностей — выявить вербальные конstellляции, отражающие главные сочленения коллективного сознания. Необходимо рассмотреть изменения словаря, установить потери, приобретения и трансформации в значении слов и выявить связь этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей» [5: с. 20].

С 80-х гг. XX в. одним из важнейших лингвистических направлений в области исследований становится когнитивная лингвистика, анализирующая роль языка в познании и выделяющая несколько школ и течений, связанных с работой над языковой картиной мира. Находясь под влиянием идей Й. Трира, Л. Вайсгербер вводит в научную терминосистему понятие *языковой картины мира* как исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженной в языке совокупности представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира [3: с. 9]. Языковая картина мира, согласно Л. Вайсгерберу, — это система разнообразных сущностей: духовных, которые определяют самобытность и неповторимость культуры и мировосприятия определенной языковой общности, и языковых, которые обуславливают наличие и жизнедеятельность непосредственно самого языка. Она помогает закрепить культурную своеобразность в понимании мира и ее определение языковыми способами; она передается посредством мировоззрения последующим поколениям, существуя в сознании языковой общности; а также способствует фиксации образа жизни, правил и норм поведения, передающихся и сохраняющихся средствами языка. Также языковая картина мира выступает в роли преобразующей силы, которая создает представление об окружающей среде посредством языка. С одной стороны, она представляет собой продукт исторического развития народности и ее языка, а с другой — выступает причиной неповторимого пути их последующего развития [17].

Близость теоретических положений Л. Вайсгербера и Й. Трира дает возможность допустить, что языковую картину мира первый представлял как совокупность семантических полей на лексическом уровне. В некоторых научных трудах, посвященных исследованию языковой картины мира, большое внимание уделяется лексике, однако недостатком этих работ является статическая сторона ее рассмотрения [18: с. 9, 25]. Высокая трудоемкость попыток анализа диахронического аспекта всей лексической картины мира избранного языка, или соотнесения ряда синхронных лексических срезов, по-видимому, вызвала такое одностороннее состояние исследований. Однако подобный недочет возможно преодолеть с помощью другого научного направления — антрополингвистики, где картина мира разделяется на части — семантические поля, изучаемые с учетом диахронии.

Рассмотрение ключевых терминологических аспектов антрополингвистики, ее структуры и основной проблематики, вопросов развития данной науки с точки зрения ее содержания позволило сделать закономерный вывод о правомерности исследования мышления человека в его историческом развитии в зависимости от качества и количества лексики, сопутствующей симультанно изучаемому временному промежутку. Анализ изменений лексической системы языка не только предоставил доказательства развития особенностей и закономерностей общества, но и потребовал особых теоретических разработок на ином, уже современном витке развития науки.

Библиографический список

Литература

1. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
2. *Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.* Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антрополингвистики) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 5. С. 12–25.
3. *Даниленко В.П.* От предъязыка к языку. Введение в эволюционную лингвистику. М.: Алетейя, 2015. 392 с.
4. *Даниленко В.П.* Языковая картина мира в теории Л. Вайсгерберга // Филология и человек. 2009. № 1. С. 7–17.
5. *Дюби Ж.* История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина. М.: РГГУ; Ин-т всеобщей истории РАН, 1996. С. 18–22.
6. *Замкова В.В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Ленинград: Наука, 1980. С. 90–101.
7. *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали говорящие обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.
8. *Моисеев М.В.* Лексикография английского языка. Омск: ОмГУ, 2006. 92 с.
9. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* История науки о языке: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2008. 376 с.
10. *Перишц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М.: Высш. шк., 1982. 223 с.
11. *Проскурин С.Г., Центнер А.С.* К предыстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. 2-е изд., испр. Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2014. 198 с.
12. *Радченко О.А.* Speculum vitae: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка: сб. избр. ст. М.: Тезаурус, 2012. 199 с.
13. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966. 231 с.
14. *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка. М.: ЛКИ, 2008. 176 с.
15. *Черных А.* Шарль Дюканж // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. 1. Стб. 1737–1738.

16. Чупрына О.Г. Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4. С. 57–66.
17. Bartlett Robert. Panorama sredniowiecza. Warszawa: Arkady, 2002. 336 s.
18. Mackiewicz J. Slovo o slowie. Potoczna wiedza o jezyku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2002. 165 s.

References

Literatura

1. Bondaletov V.D. Social'naya lingvistika. M.: Prosveshhenie, 1987. 160 s.
2. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A. Yazy'k kak sredstvo izucheniya poznaniya i e'volucii cheloveka (k 10-letnej godovshhine poyavleniya antropolingvistiki) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 5. S. 12–25.
3. Danilenko V.P. Ot pred'yazy'ka k yazy'ku. Vvedenie v e'volucionnyu lingvistiku. M.: Aletejya, 2015. 392 s.
4. Danilenko V.P. Yazy'kovaya kartina mira v teorii L. Vajserberga // Filologiya i chelovek. 2009. № 1. S. 7–17.
5. Dyubi Zh. Istoriya mental'nostej // Istoriya mental'nostej, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhny'e issledovaniya v obzorax i referatax / sost. E.M. Mixina. M.: RGGU; In-t vseobshhej istorii RAN, 1996. S. 18–21.
6. Zamkova V.V. Special'naya leksika v Slovarе Akademii Rossijskoj (leksika remyosel) // Slovari i slovarnoe delo v Rossii XVIII v. Leningrad: Nauka, 1980. S. 90–101.
7. Zorina Z.A., Smirnova A.A. O chem rasskazali govoryashhie obez'yany': Sposobny' li vy'sshie zhivotny'e operirovat' simvolami? M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2006. 424 s.
8. Moiseev M.V. Leksikografiya anglijskogo yazy'ka. Omsk: OmGU, 2006. 92 s.
9. Nelyubin L.L., Xuxuni G.T. Istoriya nauki o yazy'ke: uchebnik. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2008. 376 s.
10. Pershicz A.I., Mongajt A.L., Alekseev V.P. Istoriya pervoby'tnogo obshhestva. M.: Vy'ssh. shk., 1982. 223 s.
11. Proskurin S.G., Centner A.S. K predy'storii pismennoj kultury': arхаическая семиотика индоевропейцев. 2-е изд., ispr. Novosibirsk: Novosibirsk. gos. un-t, 2014. 198 s.
12. Radchenko O.A. Speculum vitae: ot funkcionalnoj grammatiki k idioe'tnicheskoi filosofii yazy'ka: sb. izbr. st. M.: Tezaurus, 2012. 199 s.
13. Trubachev O.N. Remeslennaya terminologiya v slavyanskix yazy'kax. M.: Nauka, 1966. 231 p.
14. Filin F.P. Istoriicheskaya leksikologiya russkogo yazy'ka. M.: LKI, 2008. 176 s.
15. Cherny'x A. Sharl' Dyukanzh // Katolicheskaya e'nciklopediya. M., 2002. T. 1. Stb. 1737–1738.
16. Chupry'na O.G. Diskursivny'e osobennosti anglijskogo srednevekovogo medicinskogo traktata // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4. S. 57–66.
17. Bartlett Robert. Panorama sredniowiecza. Warszawa: Arkady, 2002. 336 s.
18. Mackiewicz J. Slovo o slowie. Potoczna wiedza o jezyku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2002. 165 s.

N.V. Gorokhova

Anthropolinguistics as a Direction of Development of Modern Science

The article represents the main postulates, problems and perspectives in the further development of modern science. It is proved that evolution of human mentality may be studied on the basis of volume and type of vocabulary used at various stages of human evolution. The hypothesis of hundredfold increase of vocabulary at every stage is also formulated. The major achievements and newly established directions of research in the field of anthropolinguistics are also introduced. The proposed approach creates the possibility of a greater progress in the study of the evolution of mind and culture, as well as provides an opportunity of further linguistic, psychological, sociological, cultural, philosophical researches in this area.

Keywords: anthropolinguistics; terminology science; proto-words; language picture of the world.